

PSYCHOLOGY

Maksimenko Zh.A., Aysina R.M., Shagurova A.A.

TECHNOLOGIES OF VIRTUAL REALITY AS A TOOL TO CREATE CONSTRUCTIVE BEHAVIORAL SCENARIOS IN PEOPLE WITH DISABILITIES

Maksimenko Zh. A., Russia, North Caucasus Federal University, Leading Research Associate at the at the Laboratory of Virtualistics, PhD

Aysina R. M., Russia, North Caucasus Federal University, Leading Research Associate at the at the Laboratory of Virtualistics, PhD

Shagurova A. A., Russia, North Caucasus Federal University, Leading Research Associate at the at the Laboratory of Virtualistics, PhD

Abstract

We discuss hi-tech psychological assistance in creating constructive behavioral scenarios for people with disabilities. Specifics of social interactions of disabled people in Russia are analyzed. The interactive virtual complex as a tool of social and psychological assistance is offered. The complex allows people with disabilities to fill missing social experience, realize and reconstruct non-adaptive patterns of social interactions. The complex gives the opportunity to develop, train and fix constructive behavioral scenarios. This intervention may help to increase social activity in people with disabilities.

Keywords: hi-tech psychological assistance, social interactions, interactive virtual complex.

Введение

В большинстве стран мира в конституциях и иных законодательных документах есть статьи о предоставлении равных гражданских прав всем гражданам, а также провозглашается принцип социальной справедливости. Вместе с тем, в любом обществе есть люди, особенности которых требуют организации специальных условий для осуществления их жизнедеятельности, обучения и развития. Это люди с врожденной или приобретенной инвалидностью.

В соответствии с действующим законодательством, под инвалидностью в Российской Федерации понимается нарушение здоровья человека со стойким расстройством функций организма, приводящее к полной или значительной потере профессиональной трудоспособности и к иным существенным затруднениям в жизни. Отличия в содержании, вкладываемом в понятия «disablement», «disability» в английском языке, и «инвалидность» в русском языке демонстрируют различное отношение к этой категории людей в разных культурах. Российский термин «инвалид» звучит небезобидно, поскольку акцентирует внимание на «неполной дееспособности» человека из-за состояния его здоровья и на его «неполноправности». В современной России отчасти сохраняется стереотип восприятия инвалидов как ограниченных в своих возможностях людей, в силу чего они оказываются более или менее изолированы от основной части общества. В то же время в последнее время в социальной политике Российской Федерации активно применяются инклюзивные принципы, реализуемые не только в теории, но и на практике [1]. В западных странах государственная политика относительно людей с инвалидностью традиционно направлена не на ограничение их активности, а, напротив, на создание наиболее благоприятных условий для их полноценного участия в жизни общества.

Организуя социально-психологическую помощь людям с инвалидностью, следует помнить, что они обладают меньшим психологическим реабилитационным потенциалом по сравнению с людьми, не имеющими инвалидности. Ситуацию усугубляют такие факторы, как особенности отношений в их семьях, свойственное им неустойчивое состояние интеллектуально-мнестической и эмоциональной сферы, длительность инвалидизирующего заболевания, низкая реабилитационная компетентность [2]. Это приводит к низкой социальной активности инвалидов, неудовлетворительному качеству их межличностной коммуникации и их повышенной

зависимости от окружающих и общества в целом. Вышеуказанное способствует возникновению социальных и психологических барьеров между обществом и людьми с инвалидностью.

Материалы и методы исследования

Мы использовали метод теоретико-методологического анализа, с помощью которого были проанализированы особенности социальных взаимодействий инвалидов, проживающих в России, описаны их социально-психологические проблемы и предложен современный и высокотехнологичный способ их решения.

Сделанные заключения и полученные выводы основаны на собственном опыте социально-психологической и научно-исследовательской деятельности и имеют качественный характер

Результаты и обсуждение

Исследования психологических особенностей людей с инвалидностью, проживающих в РФ, показывают, что для большинства из них характерен низкий уровень развития социальных навыков в ситуациях социального взаимодействия [2]. Кроме того, до последнего времени специфика жизни российских инвалидов заключалась в выраженной социальной изоляции, недоступности или ограниченной доступности социальных объектов (для инвалидов с ограничением мобильности), низком уровне денежного пособия, что способствовало формированию у них рентной установки, значительно усложняло процесс их социально-психологической адаптации и ухудшало качество их жизни [3].

Исследователями показано, что инвалидность влечет за собой специфические изменения личности, проявляющиеся во всех сферах жизнедеятельности. Их жизнь проходит в постоянном напряжении, в ожидании очередных препятствий, что результирует либо в пассивную, либо в агрессивную жизненную позицию [4]. О формировании конструктивных поведенческих паттернов при этом говорить не приходится.

Известно, что социальные знания и навыки до недавнего времени формировались преимущественно в условиях реального взаимодействия субъекта с социальными объектами. Но для российских инвалидов общение почти всегда ограничено определенным кругом лиц и небольшим количеством социальных ситуаций. С этим связано то, что их социальные взаимодействия во многих случаях оказываются

неконструктивными и субъективно воспринимаются ими как неудовлетворительные.

В изучении поведения личности в трудных жизненных ситуациях (к которым, безусловно, относится ситуация инвалидности), особое место отводится исследованию набора конструктивных способов их разрешения, способствующих формированию или восстановлению социальной активности личности [5; 6]. Социальной активности способствуют следующие факторы: совокупность социальных знаний (в том числе о нормах и правилах общения в различных социальных ситуациях), коммуникативные умения (в том числе владение различными техниками общения), коммуникативные установки (например, на открытое или закрытое общение), и другие [7].

Очевидно, что условия жизни российских инвалидов не благоприятствуют развитию каждого из трех вышеназванных факторов. Знания о нормах и правилах общения в различных социальных ситуациях у них ограничены определенным кругом таких ситуаций, так как они не могут, а во многих случаях, занимая пассивную позицию, и не хотят активно взаимодействовать в незнакомых для себя социальных контекстах. С этим связан низкий уровень их коммуникативных умений, владение различными техниками общения – так как эти умения формируются в практике общения в различных социальных ситуациях. И, наконец, третий компонент - коммуникативные установки, являющийся следствием первых двух. При недостаточных социальных знаниях и низком уровне коммуникативных умений, ограниченной вариативности техник общения, у людей с инвалидностью закономерно преобладает установка на закрытое общение [8]. Поэтому формирование конструктивных сценариев социального поведения у них будет иметь очевидным следствием повышение качества жизни.

Таким образом, налицо противоречие: с одной стороны, людям с инвалидностью необходимо сформировать достаточный набор конструктивных поведенческих паттернов, с другой – он имеет ограниченный круг общения и недостаточную вариативность социальных ситуаций для их формирования.

На помощь в решении данной проблемы приходят виртуальные компьютерные технологии, спонтанное использование которых уже отчасти способствует решению данной проблемы, так как в виртуальном мире для инвалидов нет ограничений в коммуникациях. Отметим, что западные коллеги достаточно давно проводят исследования с

использованием виртуальной реальности и интерактивным компьютерным моделированием [9; 10; 11; 12; 13; 14].

Виртуальность – прекрасная возможность восполнить дефицит общения вне зависимости от специфики и тяжести заболевания, повлекшего за собой инвалидность. В связи с активно реализуемыми в обществе в последнее время инклюзивными тенденциями, как отмечалось выше, сегодня многое делается для организации социальных взаимодействий инвалидов с использованием средств информационно-коммуникативных технологий. В качестве одного из путей решения заявленной проблемы российское общество сейчас активно использует возможности виртуального пространства. С его помощью, например, целенаправленно организуется общение инвалидов с другими людьми (как имеющими инвалидность, так и без нее).

Важно отметить, что характер виртуального общения имеет свои особенности. При общении через Интернет один собеседник не видит другого (если только не используется специальный сервис, поддерживающий видеопередачу данных с помощью веб-камер), и каждый из участников общения получает только ту информацию, которую противоположная сторона сочтет возможным сообщить [15]. Следовательно, пользователь с инвалидностью может «на равных» общаться с любым собеседником на интересующую обоим тему, не ставя своего оппонента в известность о своей инвалидности и не испытывая из-за этого дискомфорта.

В связи с вышеназванными характеристиками виртуального общения, на первый взгляд, коммуникации в виртуальном пространстве кажутся безупречным способом преодоления определенных социально-психологических трудностей, присущих людям с инвалидностью, и они с готовностью используют возможности виртуального общения. Предпочтение виртуального общения определяется как объективными (сложности передвижения, финансовые вопросы), так и субъективными причинами (отсутствие или слабое развитие необходимых социальных навыков и связанный с этим страх реальных взаимодействий). Человек, длительное время вынужденный находиться в ограниченном социальном пространстве, часто пребывает в подавленном психологическом состоянии и подвержен проявлению фрустрирующих эмоций, таких как жалость к себе, недоброжелательность по отношению к окружающим, ожидание гиперопеки, стремление обвинить кого-то в сложностях своей ситуации, невротическое

стремление к изоляции и т.д. [16]. Все вышеназванные социальные ограничения ведут к расстройству общения – возникновению коммуникативного барьера, а доступность виртуальных коммуникаций, несомненно, снижает остроту социальной изоляции. Особенно заманчивой является возможность реализации представлений и фантазий, невозможных в реальной жизни.

Интернет-технологии имеют и другие преимущества:

- дают возможность анонимной коммуникации: пользователи могут не называть своих реальных имен, пол, возраст и т.д., а сокрытие конфиденциальной информации позволяет чувствовать себя более раскрепощенно;
- обеспечивают реализацию представлений, фантазий с обратной связью: пользователи могут создавать новые образы «Я», вербализировать представления и фантазии, которые трудно реализовать в жизни;
- способствуют поиску собеседника, удовлетворяющего заданным критериям: это обеспечивается большим количеством пользователей сети;
- предлагают неограниченный доступ к информации: в сети Интернет можно найти информацию по различной тематике.

Несмотря на несомненные выгоды виртуальных коммуникаций, интернет не может заменить реальной жизни, и потребность людей с инвалидностью в реальных социальных взаимодействиях остается высоко актуальной. Если виртуальная реальность становится единственной реальностью, где инвалиды равноправны с другими людьми, то это не приводит к их действительному включению в социум. Они хотят на самом деле соприкоснуться с обществом, быть его неотъемлемой частью [17].

На данном этапе развития нашего общества проблема обеспечения полноценного функционирования и повышения качества жизни людей с инвалидностью может быть решена посредством дополнения существующей системы социально-психологического сопровождения новыми высокотехнологичными средствами. Они должны отвечать актуальным запросам данной категории граждан, с одной стороны, и использовать возможности современных информационно-коммуникативных технологий, с другой [18; 19; 20].

В качестве средства формирования конструктивных поведенческих сценариев у людей с инвалидностью мы

предлагаем использовать интерактивный виртуальный комплекс. Комплекс позволяет моделировать различные социальные ситуации, типичные для городской среды и не вызывающие трудностей у людей без особенностей развития, так как их поведенческие паттерны формировались постепенно с нарастанием сложности социального контекста. Для инвалидов же выполнение бытовых действий в обычных социальных ситуациях может представлять значительные трудности в силу отсутствия опыта решения более простых социальных задач в их жизненном опыте. Предлагаемый интерактивный виртуальный комплекс смоделирован на базе компьютерной программы, которая позволяет создавать виртуальное пространство и «погружать» в него пользователя. В этом виртуальном пространстве, согласно сценарию, пользователь должен активно взаимодействовать с различными (виртуальными) персонажами. Степень сложности выполнения определенных бытовых заданий и сам социальный контекст варьируется в каждом конкретном случае, исходя из характеристик категории пользователей.

Виртуальный комплекс позволяет получить биологическую обратную связь в контексте выявленных у пользователя психосоциальных проблем. Параллельно с действиями пользователя в виртуальном пространстве, программа предполагает возможность фиксации и записи некоторых его психофизиологических характеристик (частота сердечных сокращений, мышечный тонус определенных частей тела и др.), позволяющих впоследствии анализировать и корректировать неконструктивные эмоциональные паттерны реагирования. Психологическому анализу и сформированной с его учетом системе психосоциальных воздействий также будет способствовать анализ видеозаписи поведенческих реакций клиента, виртуально участвующего в различных социально-бытовых ситуациях и взаимодействующего с персонажами киберпространства.

Выводы

Таким образом, отрабатывая и анализируя различные сценарии своего поведения в типичных социально-бытовых ситуациях с помощью интерактивного виртуального комплекса, пользователь сможет восполнить недостающий социальный опыт, получит возможность осознать и реконструировать неадаптивные способы социальных взаимодействий. Все эти действия человек с инвалидностью совершает, не покидая психологически безопасного пространства, так как виртуальный

комплекс дает ему возможность формирования, отработки и закрепления конструктивных поведенческих паттернов без реального социально-психологического риска. Важно, что в силу «эффекта присутствия» в виртуальной среде, пользователь сможет использовать полученный опыт в самых разных реальных жизненных ситуациях.

Предлагаемый интерактивный виртуальный комплекс может стать эффективным средством социально-психологической помощи людям с инвалидностью. Формирование необходимых для полноценного общения конструктивных поведенческих сценариев позволит им занять в обществе более активную социальную позицию, снизит действие психологических барьеров и повысит качество их жизни.

Финансирование

Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в сфере научной деятельности (Задание № 25.1815.2014/К от 11.07.2014 г. «Создание экспериментальных виртуальных моделей социального взаимодействия человека и психоинформационной среды в организации психологической помощи различным категориям населения»)

Referenses:

- [1] State program of the Russian Federation 'Accessible Environment' for the years 2011-2015 (2011). Federal Government Statistical Service. Retrieved from <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2015/392>
- [2] Halak, M. E. Determination of psychological potential's level of persons with limited abilities (2012). *Koncept*, 10. Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-urovnya-psihologicheskogo-potentsiala-u-lits-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami>. (In Russian).
- [3] Efremova G.I., Maksimenko Zh.A., Aysina R.M., & Petrova I.V. (2015). Social integration of disabled people in Russia using virtual computer technologies. *Modern Applied Science*, 9 (12), 2015, 77-87.
- [4] Naberushkina, E.K. (2011). City for All: a sociological analysis of urban space accessibility for disabled people. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 3, 119-139.

- [5] Leffert, J. S., & Siperstein, G. N. (2002). Social cognition: A key to understanding adaptive behavior in individuals with mild mental retardation. *International Review of Research in Mental Retardation*, 25, 135-181. doi:10.1016/S0074-7750(02)80008-8
- [6] Nesterova, A.A., Aysina, R.M., & Suslova, T.F. (2015). Recent Technologies to Improving Social and Communication Skills in Children with ASD: Systematization of Approaches and Methods. *Modern Applied Science*, 9 (11), 38-50. doi:10.5539/mas.v9n11p38
- [7] Zhukov Yu.M. (1991). Diagnostics and development of communication competence: practical benefit / Red. Zhukov Yu.M., et al. Kirov, 94 p. (In Russian)
- [8] Heiman, T., & Margalit, M. (1998). Loneliness, depression, and social skills among students with mild mental retardation in different educational settings. *The Journal of Special Education*, 32, 154-163. doi:10.1177/002246699803200302
- [9] Cuvo, A. J., & Katt, K. P. (1992). Effects of community-based, videotape, and flashcard instruction of community-referenced sight words on students with mental retardation. *Journal of Applied Behavior Analysis*, 25, 499-512.
- [10] Wissick, C. A., Lloyd, J. W., & Kinzie, M. B. (1992). The effects of community training using a video-based simulation. *Journal of Special Education Technology*. 11(4), 208-221.
- [11] Rizzo A.A., Buckwalter J.G., , & Neumann U. J. (1997). Virtual reality and cognitive rehabilitation: a brief review of the future. *Head Trauma Rehabilitation*. 12(6), 1-15.
- [12] Riva G., & Gamberinic L. (2000). Virtual reality as telemedicine tool: technology, ergonomics and actual applications. *Tech & Health Care*. 8, 113-127.
- [13] Chuang T.Y., Huang W.S., Chiang S.C., et al. (2002). A virtual reality-based system for hand function analysis. *Computer Methods & Programs in Biomed*. 69, 189-196.
- [14] Langone, J., Clees, T., Rieber, L., & Matzko, M. (2003). The future of computer-based interactive technology for teaching individuals with moderate to severe disabilities: Issues relating to research and practice. *Journal of Special Education Technology*, 18 (1), 5-15.
- [15] Bocharova T.A., & Blyaher L.E. (2013). Virtuality as daily occurrence element. *Vestnik TOSU. Political science, sociology and law*. 4 (31), C.255-262. (In Russian)

- [16] Pearson, V., Wong, Y.C., & Pierini, J. (2002). The structure and content of social inclusion: Voices of young adults with learning difficulties in Guangzhou. *Disability & Society*, 17, 365-382. doi:10.1080/09687590220140322
- [17] Shakespeare, T., & Watson, N. (2002). The social model of disability: an outdated ideology? *Research in Social Science and Disability*, 2, 9-28. doi:10.1016/S1479-3547(01)80018-X
- [18] Tost, D., Grau, S., & Moya, S. (2014). Personalization of Virtual Environments Navigation and Tasks for Neurorehabilitation. *Virtual Reality and Environments*, Dr. Cecília Sík Lányi (Ed.). Retrieved from <http://www.intechopen.com/books/virtual-reality-and-environments/personalization-of-virtual-environments-navigation-and-tasks-for-neurorehabilitation>
- [19] Kalyvioti, K., & Tassos, A. (2014). Mirkopoulos Virtual Environments and Dyslexia: A literature review. Proceedings of the 5th International Conference on Software Development and Technologies for Enhancing, *Procedia Computer Science*, 27, 138 – 147. doi:10.1016/j.procs.2014.02.017
- [20] Aysina R.M., & Maksimenko Zh.A. (2015). Prospects of using virtual computer technologies for psychological and pedagogical support to children with autism spectrum disorders on the full general education stage. Educational psychology: modernization of psychological and pedagogical education. Materials of the XI All-Russian scientific and practical conference (Moscow, 19-20 May 2015). Moscow: Russian public organization «Educational psychologists Russian Federation», 2015. P. 3-5. (In Russian)